

индивидуальности в автобиографической прозе
Л. Н. Мартынова / Э. Г. Шик // Проблемы творче-

ства Л. Мартынова: Межвузовский сборник научных трудов. – Омск: Изд-во ОГУ – 1985. – С.57 – 65.

УДК 821.161.1 – 1 («19»)

Ю.В. Поддубко

ПОЭЗИЯ А. КУШНЕРА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ

Поддубко Ю.В.

ПОЭЗИЯ О. КУШНЕРА В ОЦІНЦІ СУЧАСНОЇ КРИТИКИ

Стаття присвячена дослідженню реценції поетичної творчості О. Кушнера в сучасній критиці. В ній зіставляються різні точки зору відносно проблематики та поетики його лірики. У статті показано, що інтелектуалізм, насиченість культурними асоціаціями, вірність поетичній традиції виявляються характерними рисами ліричної системи Кушнера, в оцінці яких критики не завжди були одноставні. Разом із тим на сьогоднішній день твори Кушнера визнані класичними зразками російської поезії двадцятого сторіччя.

Ключові слова: реценція, критика, проблематика, поетика, традиції

Поддубко Ю.В.

ПОЭЗИЯ А. КУШНЕРА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ

Статья посвящена исследованию реценции поэтического творчества А. Кушнера в современной критике. В ней сопоставляются разные точки зрения относительно проблематики и поэтики его лирики. В статье показано, что интеллектуализм, насыщенность культурными ассоциациями, верность поэтической традиции являются характерными чертами лирической системы Кушнера, в оценке которых критики не всегда были единодушны. Вместе с тем в настоящее время произведения Кушнера признаны классическими образцами русской поэзии двадцатого века.

Ключевые слова: реценция, критика, проблематика, поэтика, традиции

Poddubko Y.V.

A. KUSHNER'S POETRY IN REVIEWS OF MODERN CRITICISM

This article is devoted to the research of the reception of Kushner's poetical creativity in modern criticism. Different points of view on subject matter and poetics of his lyrics are compared. This article states that intellectualism, richness of cultural connotations, faithfulness to poetical tradition are features of Kushner's lyrical system to which literary critics were not always unanimous. At present Kushner's works are appreciated as classical examples of Russian poetry of the twentieth century.

Key words: reception, criticism, subject matter, poetics, tradition

Александр Кушнер является одной из самых ярких фигур в современной русской поэзии. И. Бродский назвал его одним из лучших лирических поэтов XX века. «...его имени, – писал Нобелевский лауреат о Кушнере, – суждено стоять в ряду имен, дорогих сердцу всякого, чей родной язык русский» [9, с.5].

Автор восемнадцати стихотворных сборников, девяти книг избранных стихов и нескольких эссеистических книг, Александр Семенович Кушнер прочно вошел в сознание читателей его творчества как убежденный хранитель классических традиций русской и мировой литературы. Не удивительно, что его художественное творчество привлекало внимание критики с момента первых публикаций. Уже в ранних откликах были отмечены такие характерные черты творческой индивидуальности поэта, как установка на «интеллек-

туальность», стремление сохранить культурные ценности, выработанные человечеством, и с их помощью гармонизировать тот далекий от гармонии мир, частью которого был и он сам. «Времена не выбирают» – утверждал Кушнер в одном из самых известных своих стихотворений. В его творчестве отразились и те времена, в которые была вписана его собственная поэзия, и все культурные достижения, способствовавшие гуманистическому направлению развития человеческой цивилизации.

Творчество А. Кушнера стало предметом внимания огромного числа критиков и литературоведов. К числу наиболее авторитетных статей о его поэтическом наследии можно отнести рецензии Л.Я. Гинзбург «Смысл жизни – в жизни, в ней самой...» (на сборник «Дневные сны»), Д.С. Лихачева «Кратчайший путь» (на книги «Канва» и

«Таврический сад»), И. Роднянской «Канва романа с жизнью» (на сборник избранных стихотворений «Канва»), В. Баевского «Пристальное зрение» (на сборники «Стихотворения» и «Дневные сны») и многие другие.

Уже первый поэтический сборник А. Кушнера сразу же привлек внимание критиков. Так, А. Асаркан в рецензии, опубликованной в 1963 году в журнале «Новый мир», оценил глубину его поэтической мысли, ощущение «плотности», «вещности» материального мира, воплощенного в стихотворениях молодого поэта [3].

Интеллектуализм поэзии Кушнера отметил и рецензент второй книги поэта («Ночной дозор») В. Портнов [14]. По мысли критика, в лирических произведениях Кушнера поэтизация обыденной повседневной жизни сочетается с определенной долей созерцательности, холодности, обусловленной стремлением перевести разговор в философскую плоскость.

Пристальность взгляда, аналитизм и в то же время тонкость изображения, как ведущие качества художественного стиля Кушнера, по мнению И. Михайлова, стали характерными чертами и третьего сборника стихов Кушнера «Приметы» (1969). Критик подчеркнул, что «поэзия Кушнера живет в неразрывной связи с прошлым человечества. Поэт сосуществует одновременно и со своими современниками, и с людьми, обитавшими в различных «геологических пластах» истории...» [13, с.216]. Вместе с тем И. Михайлов упрекнул поэта в чрезмерном увлечении культурными ассоциациями, т.е. в том, что составит впоследствии основу творческой индивидуальности Кушнера.

Резкую перемену настроения в третьей книге поэта увидел Г. Краснухин. Соглашаясь со своими предшественниками, отмечавшими в качестве доминантной черты поэтического мира молодого Кушнера материальность, «вещность» изображаемого бытия, в своей рецензии «решающей чертой» лирического характера новой книги Кушнера он назвал потребность в просторе, стремление вырваться из удушья бытовой, предметной тесноты. Обратившись к традициям классической поэзии, Кушнер, по мысли Краснухина, не только с уважением следует за классиками, но иногда и оказывается у них в плену [10].

Иную точку зрения высказал Яков Гордин, анализируя четвертую книгу стихов Кушнера «Письмо» [7]. Назвав поэтический сборник 1974 года смысловым итогом пятнадцати лет литературной работы Кушнера, Я. Гордин подчеркнул, что Кушнер – «поэт редкого тематического постоянства» [7, с.207]. Однако постоянство не отождествляется с повторением. Эволюция творчества Кушнера, по мнению Я. Гордина, характеризуется движением смысловых уровней снизу вверх. Отсюда и обращение к исследованию «роковых проблем –

смерти, бессмертия, противоречивости существования во времени и пространстве» [7, с.208]. Критик отметил мужественную позицию автора книги «Письмо»: «Единство, сомкнутость во времени исторического мира предопределяет и безграничность человеческой ответственности, глубину сострадания» [7, с.208]. Историзм мышления Кушнера становится отличительной чертой его творчества.

В рецензии на поэтический сборник «Голос» Я. Гордин вновь обратил внимание на постоянство поэтических пристрастий Кушнера, в частности, его устойчивый интерес к изображению культуры и бытия северной столицы. В то же время критиком была отмечена и последовательность развития таланта Кушнера. Сопоставляя первый сборник стихов поэта с книгой «Голос», Гордин справедливо подчеркнул мужание поэтического дара Кушнера: «Совершенно закономерный для первых попыток осмысления мира взгляд наблюдателя заменился напряженным зрением участника исторической жизни» [8, с.217].

В том же 1979 году в журнале «Юность» был опубликован отклик Ю. Болдырева на сборник «Голос». Солидаризируясь с мнением Я. Гордина, Болдырев тоже выделяет в художественном мире поэта новые для него гражданственные ноты. Взаимоотношения времени и человека, тема, которая станет впоследствии сквозной в творчестве Кушнера, по мнению Болдырева, определяет звучание стихов в книге «Голос». Критик полагает, что книга имеет переходный характер и открывает перспективы дальнейшего развития кушнеровской поэзии [5].

В несколько ином ракурсе рассматривает творчество Кушнера Михаил Пьяных в своей аналитической статье «“Покой нам только снится...” Заметки о романтических тенденциях в современной русской поэзии». Поэзию Кушнера он относит к разряду так называемой «тихой лирики», для которой органична лирическая медитация, элегичность, интерес к культурному наследию. «Тихие лирики», по его мнению, «не обращаются к прямому изображению истории с ее конфликтами и человеческими судьбами. Для них важен дух традиции – «опредмеченный», запечатленный в реальном пейзаже или памятнике искусства» [15, с.195]. Именно такой видится критику поэзия Кушнера с присущим ей «культурно-историческим интерьером Ленинграда» [15, с.195].

Тяготение к элегическому восприятию мира отметили в поэзии Кушнера многие критики. В их числе Александр Архангельский, который в статье «“Всё уходящее уходит в будущее”». Судьба классических жанров в современной лирике» назвал Кушнера «“сквозным” элегиком», который не изменяет излюбленному пафосу ме-

ланхолии ни при каких обстоятельствах [2, с.13].

С такой оценкой кушнеровского стиля согласилась и И. Роднянская в своей рецензии на сборник «Канва» (1981), отметив постоянное возрастание элегических настроений в лирике поэта. При этом Роднянская не отождествляет элегическое начало с философским. По ее мысли, элегическая лирика «слишком проникнута трепетом конкретного, единственного «я»; ее пароль – не дух, не мир, и даже не личность как облик и линия поведения, но – душа» [17, с.262]. Думается, это несколько упрощенный взгляд на элегию. Но в рамках рецензии он имеет право на существование, поскольку именно о душе поэта, наделенной «историко-культурным дальноречием» рассуждает далее критик. Присущая Кушнеру «дальноречность», по мнению Роднянской, «не эпохальная, не одически провидческая, она исходит от индивидуальной судьбы с ее тревожениями и заботами» [17, с.262].

Соглашаясь со своими предшественниками, видевшими в Кушнере прежде всего поэта культуры, Роднянская уточняет это определение: «он не в меньшей степени поэт, неудовлетворенный культурой, ее непрестанный оппонент» [17, с.263]. Такая парадоксальная оценка творческой позиции поэта подкрепляется утверждением критика о сочетании двух противоположных начал в поэзии Кушнера: европеизма с его тягой к законченности форм и четкости границ и отсутствия оптимизма по отношению к перспективам дальнейшего развития культуры, ощущения ее ненадежности. В результате своих размышлений Роднянская задается вопросом: «Быть может, многочисленные историко-культурные мотивы у Кушнера так свежи, горьки, остры, «современны», что всегда обнаруживают свою недостаточность, незакругленность перед лицом чего-то более полнозначного?» [17, с.264]. Признаки «усталой вытуженности души» обнаруживает критик в поэтическом сборнике «Канва».

Несколько иной вывод в своей статье «...то, что общая дарит судьба» делает Сергей Чупринин. В том же сборнике «Канва» он усматривает, прежде всего, господство мотива «дальней и ближней связи», торжественный пафос «переклички, беседы и живого, непринужденного взаимообмена мыслями и настроениями» [20, с.98]. Взаимодействие с традицией, с «чужим» словом способствует утверждению в художественной системе Кушнера такого важного качества, как диалогизм. Определяя сущностные черты поэтического мира А. Кушнера, С. Чупринин утверждает, что «Стихи Кушнера, сторонясь всякого родства с патетикой и морализаторством, внушают читателю чувство духовной устойчивости и защищенности, напоминают, что никто в этом мире не вправе считать себя одиноким и

слабосильным, поскольку за каждым могучей тенью стоят история и культура, а вокруг каждого – люди той же судьбы и того же представления о жизненных ценностях» [20, с.98].

Цельность поэтического мира Кушнера подчеркнул в своей рецензии на книги «Канва» (1981) и «Таврический сад» (1984) и Д.С. Лихачев. Статья «Кратчайший путь» была положена в основание предисловия к сборнику «Стихотворения» (1986). Определяя Кушнера как «типично ленинградского поэта», запечатлевшего в своих стихах все дорогие сердцу жителя северной столицы детали и реалии родного города, Д.С. Лихачев вместе с тем отмечает и характерную особенность: «...поэтические темы у Кушнера часто взяты в рамках прошлой жизни, истории, чужих биографий, обращений, прощаний, а когда он пишет о себе, то делает это в форме, как бы скрывающей его собственную жизнь» [12, с.55].

Такое наблюдение дало основание академику Лихачеву сделать вывод, что в художественной системе Кушнера «как будто совсем нет лирического героя» [12, с.56], поэт «скрывается, но не за иронией, а за всей «чужой» жизнью, через чужое выявляя себя <...> Это поэзия и от лица других и для других» [12, с.56]. При всем уважении к авторитетному мнению Д.С. Лихачева думается, что его утверждение несколько категорично. Действительно, вымышленного персонажа, чья духовная биография воссоздается во всех художественных реалиях, на страницах поэтических книг Кушнера мы не найдем. Но, с нашей точки зрения, в творческом наследии Кушнера есть и целый ряд произведений, которые не только демонстрируют лирический образ его героя, но и позволяют во многом сопоставить этого героя с самим поэтом. Биографические факты, становящиеся предметом осмысления и авторской рефлексии, приближают образ лирического субъекта кушнеровских стихотворений к современному читателю. Обращение же к близким поэтическим традициям, культурным объектам, интертекстуальное использование «чужого слова» только подчеркивают индивидуальность поэта, столь непривычную в современном геростратовском мире.

Современность поэзии Кушнера отметила в своей небольшой статье, озаглавленной строкой его стихотворения – «Смысл жизни – в жизни, в ней самой», – и Л.Я. Гинзбург. Опровергая упреки в излишней литературности стихов Кушнера, Л.Я. Гинзбург справедливо утверждает, что «Кушнер не пишет стихи в специально историко-культурном жанре. Культура свободно проникает в разные пласты его поэтического языка, в том числе и самый бытовой, разговорный» [6, с.96]. Литературовед полагает, что Кушнер – «современный поэт, приобщенный к открытой XX веком повышенной суггестивности слова», обогащенный технически-

ми возможностями современного стихосложения. Характеризуя поэтику Кушнера, Л.Я. Гинзбург обращает внимание на то, что «стиховая символика, минувшая и открытую метафоричность, и обнаженную сюжетную связь, ушла в глубину текста» кушнеровских стихотворений. При этом «поэтические средства Кушнера современны потому, что они призваны выразить современную авторскую позицию – в принципе не романтическую» [6, с.96].

Эту же мысль об антиромантической позиции Кушнера поддержал в 2003 году и Илья Фаликов. «Оппонент романтизма, ненавистник символизма <...> обожатель предмета, детали, мельчайшей частички бытия» – таким видит он Кушнера [19, с.214].

Тяготение Кушнера к акмеистической традиции очевидно. Объяснение этому напрашивается само собой: это и известная по мандельштамовскому утверждению «тоска по мировой культуре», и тщательная поэтика детали, о которой упоминает и Фаликов, и многие другие рецензенты, и стремление поэта гармонизировать мир. Не случайно, оценивая развитие русской поэзии на рубеже XX и XXI столетий, редактор поэтического журнала «Арион» Алексей Алехин назвал Кушнера самым гармоничным поэтом [1, с.65].

К настоящему времени А. Кушнер приобрел негласный статус современного классика, что не замедлило отразиться и на тональности откликов на его издания, и на характере критических публикаций. Появились обобщающие аналитические статьи, характеризующие творческую эволюцию поэта (труды С. Чупринина, А. Урбана, М. Пьяных, Л. Шушуновой и др.), была издана первая монография о творчестве Кушнера (Д.Б. Пэн. Мир в поэзии А. Кушнера. – Ростов-на-Дону, 1992), защищена диссертация И.А. Кудрявцевой «Поэт и процесс творчества в художественном сознании А. Кушнера (2005)». Вместе с тем поэзия А.С. Кушнера столь масштабна и многообразна, что многие аспекты его художественной системы еще ждут своих исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алехин А. Из века в век (Субъективные заметки о десятилетии русской поэзии) // Вопросы литературы. – 2004. – №6. – С.54 – 67.
2. Архангельский А. «Всё уходящее уходит в будущее». Судьба классических жанров в современной лирике / А. Архангельский // Литературное обозрение. – 1987. – №3. – С.11 – 16.
3. Асаркан А. Александр Кушнер. Первое впечатление. Стихи. «Советский писатель», М. – Л. 1962 [Рец.] / А. Асаркан // Новый мир. – 1963. – №6 – С.283.
4. Баевский В.С. Пристальное зренье / В.С. Баевский // Новый мир. – 1986. – №11. – С.247 – 250.
5. Болдырев Ю. «Сбивчивый ритм небывалый...» / Ю. Болдырев // Юность. – 1979. – №7.
6. Гинзбург Л. «Смысл жизни – в жизни, в ней самой» / Л.Я. Гинзбург // Юность. – 1986. – №12. – С.95 – 96.
7. Гордин Я. Александр Кушнер. Письмо. Изд-во «Советский писатель», Л., 1974 [Рец.] / Я. Гордин // Звезда. – 1974. – №12. – С.207 – 208.
8. Гордин Я. Александр Кушнер. Голос. «Советский писатель», Л., 1978 [Рец.] / Я. Гордин // Звезда. – 1979. – №7. – С.217 – 218.
9. Иосиф Бродский об Александре Кушнере // Кушнер А. Времена не выбирают...: Пять десятилетий. – СПб: «Азбука-классика», 2007, с.5 – 8.
10. Краснухин Г. «И разговор у нас совсем иной пошел...» / Г. Краснухин // Новый мир. – 1970. – №3. – С.252 – 254.
11. Кудрявцева И.А. Поэт и процесс творчества в художественном сознании А. Кушнера: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Кудрявцева И.А. – Череповец, 2004. – 184 с.
12. Лихачев Д.С. Кратчайший путь / Д.С. Лихачев // Литературное обозрение. – 1985. – №11. – С.54 – 58.
13. Михайлов И. Александр Кушнер. Приметы. Третья книга стихов. Изд-во «Советский писатель», Л., 1969 [Рец.] / И. Михайлов // Звезда. – 1970. – №9. – С.216 – 217.
14. Портнов В. Рец.: Александр Кушнер. Ночной дозор. Вторая книга стихов. «Советский писатель». М.–Л., 1966. 124 с. / В. Портнов // Новый мир. – 1966. – №9. – С.282 – 283.
15. Пьяных М. «Покой нам только снится...» Заметки о романтических тенденциях в современной русской поэзии» / М. Пьяных // Звезда. – 1979. – №2. – С.192 – 203.
16. Пэн Д.Б. Мир в поэзии А. Кушнера. – Ростов-на-Дону, 1992.
17. Роднянская И. Канва романа с жизнью / И. Роднянская // Дружба народов. – 1983. – №5. – С.261 – 264.
18. Урбан А. Пятая стихия / А. Урбан // Нева. – 1986. – №9. – С.151 – 158.
19. Фаликов И. «...Так можно сказать?» / И. Фаликов // Знамя. – 2003. – №8. – С.213 – 216.
20. Чупринин С. «...то, что общая дарит судьба» / С. Чупринин // Юность. – 1983. – №8. – С.97 – 99.